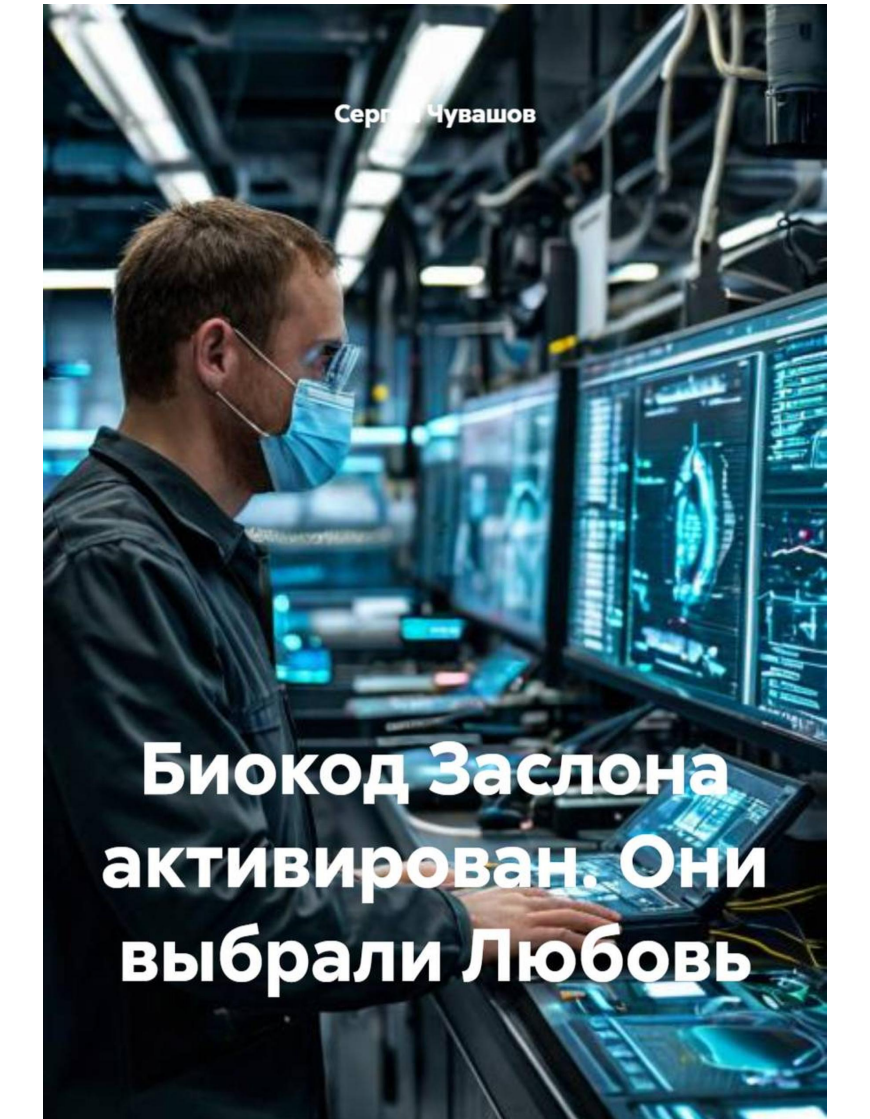

Сергей Чувашов

**Биокод Заслона
активирован. Они
выбрали Любовь**

Сергей Чувашов

Биокод Заслона активирован.

Они выбрали Любовь

<https://litres.ru/73545204>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2029 году инженер-биотехнолог Алексей Морозов работает в секретном подразделении АО «ЗАСЛОН», где создаются революционные технологии слияния живых систем с электроникой. Когда портативные ультразвуковые сканеры «СмартСкан» начинают регистрировать аномальные биосигналы в крови пациентов по всей России, Алексей понимает — кто-то использует их разработки для создания биологического оружия.

Индустриальный парк «ЗАСЛОН» становится эпицентром глобального конфликта между корпорациями, стремящимися контролировать новую эру биотехнологий. Алексею предстоит не только остановить катастрофу, но и столкнуться с этическими дилеммами: имеет ли право человек создавать живые технологии? Где граница между прогрессом и игрой в Бога?

Гонка на выживание начинается, когда «живая фабрика» выходит из-под контроля, а биокод угрожает изменить саму природу человечества.

Сергей Чувашов Биокод Заслона активирован. Они выбрали Любовь

Глава 1. Пульс будущего

Утренний туман над Финским заливом медленно растворялся в лучах октябрьского солнца, когда Алексей Морозов подъехал к контрольно-пропускному пункту индустриально-го парка «ЗАСЛОН». Массивные ворота из титанового сплава бесшумно разошлись, считав биометрические данные с его смартфона. За ними открывался мир, где будущее рождалось каждый день.

Алексей припарковал свой электрокар возле главного корпуса – изящного здания из стекла и биопластика, чьи стены буквально дышали благодаря встроенным фотосинтетическим панелям. В тридцать два года он был одним из ведущих инженеров-биотехнологов компании, но каждое утро испытывал то же волнение, что и пять лет назад, когда впервые переступил порог лаборатории.

– Доброе утро, Алексей Дмитриевич, – поприветствовала его Анна, секретарь отдела. – Вас ждет Сергей Викторович. Говорит, срочно.

Морозов кивнул и направился к лифту. Сергей Викторович Белов, руководитель отдела «Медицинские системы и технологии», редко вызывал сотрудников без веской причины. Особенно в семь утра.

Лифт бесшумно поднял его на двенадцатый этаж, где располагались секретные лаборатории проекта «Живая фабрика». Алексей прошёл через несколько уровней биометрической защиты и оказался в просторном кабинете Белова, из окон которого открывался вид на весь индустриальный парк.

– Алексей, садись, – Белов выглядел встревоженным. На его столе лежал планшет с данными, которые заставили инженера нахмуриться. – У нас проблема. Большая проблема.

– Что случилось?

– Наши «СмартСкан» сканеры по всей стране начали фиксировать аномалии, – Белов развернул планшет к Алексею. На экране отображались данные ультразвуковой диагностики из разных регионов России. – Посмотри на эти структуры в крови пациентов.

Алексей всмотрелся в изображения. То, что он увидел, заставило его сердце забиться чаще. В плазме крови пациентов чётко просматривались микроскопические объекты правильной геометрической формы – слишком правильной для природных образований.

– Это... это выглядит как биочипы, – прошептал он.

– Именно. И самое страшное – они идентичны тем прототипам, которые мы разрабатывали в рамках проекта «Живая фабрика» два года назад.

Алексей откинулся в кресле. Проект «Живая фабрика» был его детищем – революционной технологией, где живые клетки программировались для производства электронных компонентов. Возобновляемое биологическое сырье, способное к самовоспроизводству и самосборке. Но проект был засекречен и находился на стадии теоретических разработок.

– Как это возможно? – спросил он. – Мы даже не дошли до стадии создания физических прототипов.

– Вот в этом и проблема, – Белов встал и подошел к окну. – Кто-то получил доступ к нашим разработкам. И не просто

получил – довёл их до рабочего состояния.

За окном виднелись корпуса индустриального парка, где создавались медицинские приборы, радиоэлектроника, спутниковая аппаратура. Сотни инженеров и ученых работали над проектами, которые должны были сделать Россию лидером в области высоких технологий. И теперь их разработки могли обернуться против них самих.

– Сколько случаев зафиксировано? – спросил Алексей.

– За последние две недели – более трёхсот по всей стране. География широкая: от Калининграда до Владивостока. Наши «СмартСкан» сканеры с телемедицинским блоком автоматически передают данные в центральную базу для анализа. Система «СмартКом» сработала как система раннего предупреждения.

Алексей задумался. Портативные ультразвуковые сканеры «СмартСкан» были гордостью компании – первое полностью отечественное УЗИ-оборудование с голосовым управлением и возможностью телемедицинских консультаций. Они использовались в больницах, машинах скорой помощи, даже в вертолётах санитарной авиации. Если биочипы распространяются по всей стране...

– У нас есть образцы? – спросил он.

– Пока нет. Но я уже дал указание нашим партнёрам в медучреждениях сохранять образцы крови с аномалиями. Первые пробы должны поступить к нам сегодня вечером.

Белов вернулся к столу и включил голографический проектор. В воздухе появилась трёхмерная модель биочипа, реконструированная по данным ультразвуковых сканеров.

– Посмотри на структуру, – сказал он. – Это не просто копия наших разработок. Это эволюция. Кто бы ни создал эти биочипы, он пошёл дальше нас.

Алексей изучал голограмму. Биочип имел сложную многослойную структуру с органическими и неорганическими компонентами. В центре располагался процессорный блок, окружённый биологическими мембранами. По периферии – антенны для беспроводной связи и системы самовоспроизводства.

– Это не просто биочип, – сказал он медленно. – Это автономная биологическая система. Она может размножаться, эволюционировать, адаптироваться.

– И самое главное – она может влиять на организм носите-

ля, – добавил Белов мрачно. – Мы проанализировали медицинские карты пациентов с аномалиями. У всех наблюдаются изменения в поведении, повышенная внушаемость, снижение критического мышления.

Алексей почувствовал, как холод пробежал по спине. Его разработки, созданные для блага человечества, превратились в инструмент контроля сознания.

– Кто мог получить доступ к нашим данным? – спросил он.

– Этим занимается служба безопасности. Но у меня есть подозрения, – Белов понизил голос. – Помнишь Дмитрия Волкова? Он работал с тобой над проектом «Живая фабрика».

Алексей кивнул. Волков был талантливым биоинженером, но год назад уволился из компании после конфликта с руководством. Он считал, что разработки должны быть открытыми для всего научного сообщества, а не засекречиваться.

– Он перешел в международную корпорацию «НейроГен», – продолжил Белов. – Официально занимается разработкой нейроинтерфейсов. Но их истинные цели могут быть

совсем другими.

В этот момент зазвонил телефон Белова. Он ответил, выслушал собеседника и побледнел.

– Что случилось? – спросил Алексей.

– Только что поступил сигнал тревоги из лаборатории «Живая фабрика». Кто-то пытается проникнуть в систему удалённо.

Они поспешили к лифту. Лаборатория «Живая фабрика» располагалась на подземном уровне, в самом защищённом секторе индустриального парка. Здесь, в стерильных боксах, выращивались экспериментальные биологические системы, способные производить электронные компоненты.

Когда они спустились в лабораторию, их встретила Елена Краснова, ведущий биолог проекта. Ее обычно спокойное лицо выражало тревогу.

– Алексей, хорошо, что ты здесь, – сказала она. – Кто-то пытается получить доступ к нашим биореакторам через сеть. Система защиты пока держится, но атака очень изощренная.

Алексей подошел к главному терминалу. На экранах отоб-

ражались схемы сетевых атак – сложные алгоритмы, пытающиеся обойти защиту лаборатории. Но что поразило его больше всего – атакующие коды содержали элементы, которые он сам разработал для управления биологическими системами.

– Они используют наши собственные алгоритмы против нас, – сказал он.

– Можешь остановить атаку? – спросил Белов.

Алексей сел за терминал и начал вводить команды. Его пальцы летали по клавиатуре, создавая контрмеры против вторжения. Но с каждой минутой становилось ясно – противник знал их системы изнутри.

– Они не просто пытаются проникнуть в сеть, – сказал он, изучая логи атаки. – Они пытаются активировать наши биореакторы удалённо. Если им это удастся...

– Что произойдёт? – спросила Елена.

– Наши экспериментальные биосистемы начнут производить те же биочипы, которые мы обнаружили в крови пациентов. Только в промышленных масштабах.

Внезапно все экраны в лаборатории мигнули и погасли.

Через секунду они загорелись снова, но теперь на них отображалось сообщение на английском языке:

"ПРОЕКТ БИОКОД АКТИВИРОВАН. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО."

– Кто такие? – прошептала Елена.

Алексей смотрел на экран, чувствуя, как внутри него растёт не только страх, но и странное возбуждение. Как инженер, он не мог не восхищаться технической изощрённостью атаки. Но как человек, он понимал – началась война за будущее человечества.

– Не знаю, кто они, – сказал он, – но они превратили наши разработки в оружие. И теперь нам предстоит остановить то, что мы сами создали.

За окнами лаборатории, на поверхности, осенний ветер гнал листья по дорожкам индустриального парка. Природа готовилась к зиме, не подозревая, что в глубине земли решается судьба всего живого на планете. А в крови сотен людей по всей России уже циркулировали микроскопические вестники новой эры – эры, когда граница между живым и искусственным окончательно сотрётся.

Алексей Морозов смотрел на экран с угрозой и понимал: его жизнь только что разделилась на "до" и "после". И в этом "после" ему предстоит не только сражаться с внешним врагом, но и ответить на главный вопрос: имеет ли право человек играть роль Творца? И что происходит, когда творение восстаёт против своего создателя? Биокод был активирован. Игра началась.

Глава 2. Живые схемы

Через час после кибератаки лаборатория «Живая фабрика» превратилась в штаб военных действий. Сотрудники службы безопасности АО «ЗАСЛОН» установили дополнительные сканеры, а системные администраторы лихорадочно укрепляли сетевую защиту. Алексей сидел перед массивом мониторов, анализируя следы вторжения.

– Они знали точно, куда бить, – сказал он Белову, указывая на схему атаки. – Обошли основные системы защиты и сразу нацелились на биореакторы. Это мог сделать только тот, кто участвовал в разработке.

Елена Краснова подошла к ним, держа в руках планшет с результатами экстренной диагностики биосистем.

– У нас проблема, – сказала она тихо. – Во время ата-

ки несколько биореакторов получили неизвестные команды. Они начали синтезировать что-то новое.

Алексей резко обернулся.

– Покажи.

Они прошли в глубь лаборатории, где в прозрачных цилиндрических биореакторах высотой в человеческий рост медленно циркулировала питательная среда. Обычно жидкость имела слабый зеленоватый оттенок от фотосинтетических микроорганизмов. Но сейчас в трех реакторах среда переливалась странным серебристым светом.

– Что это? – спросил Белов.

– Наши биосистемы начали производить неизвестные наноструктуры, – объяснила Елена, подключая планшет к диагностическому порту. – Посмотрите.

На экране появилось изображение с электронного микроскопа. В питательной среде плавали микроскопические объекты сложной формы – они напоминали крошечные цветы с металлическими лепестками и органическими стеблями.

– Это гибридные структуры, – прошептал Алексей. – Био-

логические и электронные компоненты, интегрированные на молекулярном уровне.

– Они размножаются, – добавила Елена. – Каждые двадцать минут их количество удваивается.

Алексей подошел ближе к биореактору. Серебристое свечение пульсировало в такт с его сердцебиением – или ему это только казалось? Он протянул руку к стеклянной стенке, и в тот же момент свечение усилилось.

– Они реагируют на биополе человека, – сказал он с восхищением и ужасом одновременно. – Это не просто наноструктуры. Это живые схемы.

В этот момент в лабораторию вошла группа людей в темных костюмах. Впереди шла женщина лет сорока с короткими седыми волосами и пронзительными голубыми глазами.

– Полковник Ирина Волкова, ФСБ, – представилась она. – Мне нужно поговорить с инженером Морозовым.

Алексей почувствовал, как сжалось сердце. Волкова – та же фамилия, что у Дмитрия, его бывшего коллеги.

– Вы родственница Дмитрия Волкова? – спросил он.

– Он мой младший брат, – ответила полковник сухо. – И именно поэтому я здесь.

Она подошла к биореактору и внимательно изучила се-ребристое свечение.

– Красиво, – сказала она. – Жаль, что это может уничтожить цивилизацию.

– Что вы знаете о происходящем? – спросил Белов.

– Больше, чем хотелось бы, – Волкова развернулась к группе. – Три дня назад мой брат связался со мной из Швейцарии. Он работает в корпорации «НейроГен», но не по своей воле. Его принуждают участвовать в проекте «Биокод».

– Принуждают? – переспросил Алексей.

– Дмитрий пытался уйти из «НейроГен» полгода назад, когда понял истинные цели проекта. Но у них есть его дочь.

Тишина повисла в лаборатории. Алексей вспомнил маленькую Машу, которую Дмитрий иногда приводил на работу. Девочка обожала смотреть на биологические эксперименты и мечтала стать ученой, как папа.

– Где она? – спросил он.

– В частной клинике в Женеве. Официально – лечение редкого генетического заболевания. Неофициально – заложница, – Волкова достала планшет и показала фотографию. – Но вчера Дмитрий передал мне это.

На экране отображалась схема сложной биологической системы с пометками на русском языке.

– Это противоядие, – сказала Волкова. – Дмитрий разработал способ нейтрализации биочипов. Но для его создания нужны ваши «живые схемы».

Алексей изучал схему. Гениальность решения поражала – Дмитрий предлагал использовать модифицированные биосистемы как своеобразные «антивирусы», которые будут находить и уничтожать враждебные биочипы в организме человека.

– Это может сработать, – сказал он медленно. – Но нам нужно время на адаптацию наших биореакторов.

– Времени у нас нет, – Волкова показала новые данные. – За последние сутки количество заражённых выросло до пяти

тысяч человек. Биочипы распространяются через воду, воздух, даже через прикосновения. И что хуже всего – они начали объединяться в сеть.

– Что вы имеете в виду? – спросила Елена.

– Заражённые люди начинают действовать координированно. Вчера в Москве группа из двухсот человек одновременно направилась к зданию Минобороны. Их остановили, но они даже не помнили, зачем шли туда.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Коллективный разум, управляемый биотипами – это было хуже любого фантастического фильма ужасов.

– Сколько времени у нас есть? – спросил он.

– По расчётам Дмитрия, критическая масса будет достигнута через семьдесят два часа, – ответила Волкова. – После этого биочипы смогут контролировать поведение любого человека на планете.

Белов подошел к окну лаборатории, за которым виднелись корпуса индустриального парка. Где-то там, в цехах по производству медицинского оборудования, рабочие собирали новые партии «СмартСкан» сканеров. Где-то инжене-

ры проектировали спутниковую аппаратуру связи. Обычная жизнь продолжалась, не подозревая о надвигающейся катастрофе.

– Что предлагает ваш брат? – спросил он.

– Он готов помочь нам, но взамен мы должны освободить его дочь, – Волкова посмотрела на Алексея. – И для этого нам нужно проникнуть в штаб-квартиру «НейроГен» в Женеве.

– Это невозможно, – сказал Белов. – У нас нет ресурсов для такой операции.

– У нас есть кое-что получше, – Алексей подошел к био-реактору с серебристым свечением. – У нас есть технологии, которых нет ни у кого в мире.

Он повернулся к группе, и в его глазах горел огонь решимости.

– Мы создадим биологических агентов, способных проникнуть в любую защиту. Живые системы, которые смогут отключить их компьютеры, вскрыть их замки, обойти их сканеры. Мы используем их же принципы против них.

– Это крайне рискованно, – предупредила Елена. – Мы не знаем, как поведут себя такие системы в реальных условиях.

– Риск оправдан, – сказал Алексей. – Если мы не остановим «Биокод», человечество перестанет существовать как свободный вид.

Волкова кивнула.

– У меня есть план проникновения в Женеву. Но нам нужно действовать быстро. Каждый час промедления стоит тысяч жизней.

Алексей посмотрел на биореактор, где серебристые наноструктуры продолжали размножаться и эволюционировать. Где-то в глубине души он понимал – они переступают черту, за которой нет возврата. Создавая живые технологии для борьбы с живыми технологиями, они рискуют потерять контроль над обеими сторонами.

Но выбора не было.

– Елена, начинай подготовку специальных биореакторов, – сказал он. – Нам нужны системы, способные к автономному существованию в течение сорока восьми часов.

– Алексей, – Белов положил руку ему на плечо. – Ты понимаешь, что мы делаем? Мы создаём биологическое оружие.

– Нет, – ответил Алексей, не отрывая взгляда от серебряного свечения. – Мы создаём надежду.

За окнами лаборатории осенний день клонился к вечеру. Где-то в небе летели перелётные птицы, следуя древним инстинктам миграции. Они не знали, что внизу, в глубине земли, решается вопрос о том, останется ли у человечества право на собственные инстинкты.

А в биореакторах «живой фабрики» зарождались существа, которым предстояло стать либо спасителями, либо могильщиками цивилизации. И только время покажет, на какой стороне окажется истина.

Алексей Морозов смотрел на свои творения и впервые в жизни по-настоящему понял, что значит быть инженером будущего. Это значит нести ответственность не только за то, что ты создаёшь, но и за то, во что это может превратиться в руках других.

Биокод продолжал распространяться. Но теперь у человечества появился шанс дать отпор.

Глава 3. Код жизни

Ночь над индустриальным парком «ЗАСЛОН» была тревожной. В подземных лабораториях не гасли огни – команда Алексея работала без перерыва, готовя биологических агентов для операции в Женеве. За окнами его кабинета мерцали звезды, равнодушные к человеческим страданиям, а где-то в глубине души инженер завидовал их спокойствию.

Елена вошла в кабинет с чашкой кофе и усталой улыбкой.

– Третий биореактор готов, – сказала она, садясь в кресло напротив. – Биоагенты способны к автономному существованию сорок восемь часов, как ты и просил.

– Какие у них возможности? – спросил Алексей, отрываясь от схем на мониторе.

– Первый тип – «Призраки». Они могут проникать через любые материалы толщиной до пяти сантиметров, растворяя молекулярные связи и восстанавливая их за собой. Идеально для прохождения через стены и двери.

Алексей кивнул. Принцип работы «Призраков» основывался на ферментах, способных временно разрушать кристаллическую решётку металлов и полимеров.

– Второй тип – «Хакеры», – продолжила Елена. – Они взаимодействуют с электронными системами на биохимическом уровне. Могут отключать сигнализацию, вскрывать электронные замки, даже проникать в компьютерные сети.

– А третий?

– «Охотники». Они запрограммированы на поиск и нейтрализацию биочипов «НейроГен». Как только обнаружат цель, начнут производить антивирусные наноструктуры.

Алексей встал и подошел к окну. Где-то там, за тысячи километров, в швейцарской клинике находилась маленькая Маша Волкова. Девочка, которая стала заложницей в войне технологий.

– Елена, – сказал он тихо, – мы создаём живые существа для убийства. Пусть даже убийства других живых существ, но все равно...

– Алексей, – она подошла к нему, – биочипы «НейроГен» – это не жизнь. Это извращение жизни. Мы не убиваем, мы лечим.

В дверь постучали. Вошла полковник Волкова в сопро-

вождении мужчины в гражданской одежде.

– Познакомьтесь, – сказала она, – капитан Андрей Соколов, спецназ ГРУ. Он будет руководить операцией в Женеве.

Соколов был невысоким крепким мужчиной лет тридцати пяти с внимательными серыми глазами. Он окинул взглядом лабораторное оборудование и схемы на стенах.

– Впечатляет, – сказал он. – Но я должен понимать, с чем работаю. Ваши биоагенты – это оружие или инструменты?

– И то, и другое, – ответил Алексей. – Они запрограммированы на выполнение конкретных задач, но обладают элементами искусственного интеллекта. Могут адаптироваться к изменяющимся условиям.

– Могут ли они причинить вред людям?

– Только биочипам и электронным системам. К обычным людям они инертны.

Соколов кивнул.

– Хорошо. План операции следующий: завтра вечером мы вылетаем в Женеву под видом делегации российских ме-

диков на международную конференцию. Биоагенты будут транспортироваться в специальных контейнерах как образцы для научной презентации.

Волкова развернула на столе план здания клиники «Альпийское здоровье», где содержалась Маша.

– Клиника расположена на берегу Женевского озера, – объяснила она. – Пятиэтажное здание, подземный гараж, собственная лаборатория. Официально – элитное медицинское учреждение. Неофициально – исследовательский центр «НейроГен».

– Где находится девочка? – спросил Алексей.

– Четвёртый этаж, палата номер 47. Но это не обычная палата – это лаборатория. Они используют Машу как подопытную для тестирования биочипов.

Алексей сжал кулаки. Использовать ребенка в качестве лабораторной крысы – это переходило все границы.

– Сколько охраны?

– Двадцать четыре человека в смену, плюс автоматические системы безопасности, – ответил Соколов. – Но главная

проблема не в охране. Главная проблема в том, что здание пропитано биочипами «НейроГен». Они встроены в стены, в вентиляцию, даже в мебель.

– Что это значит? – спросила Елена.

– Это значит, что само здание – живой организм, – объяснил Алексей. – Оно может чувствовать вторжение, реагировать на угрозы, даже атаковать нарушителей.

Волкова достала еще один планшет.

– Вчера мой брат передал дополнительную информацию. Проект «Биокод» – это только первая фаза. Вторая фаза называется «Симбиоз».

На экране появилась схема человеческого тела, пронизанного сетью биочипов.

– Они планируют не просто контролировать людей, – продолжила Волкова. – Они хотят создать новый вид – гибрид человека и машины. Люди станут живыми компьютерами, а «НейроГен» – их операционной системой.

– Когда начнется вторая фаза? – спросил Соколов.

– Через сорок восемь часов. Как только количество зара-

жённых достигнет критической массы.

Алексей подошел к терминалу и вызвал данные о распространении биочипов. Карта России была усеяна красными точками – каждая обозначала заражённого человека. За последние сутки их количество выросло до восьми тысяч.

– Мы не успеваем, – сказал он. – Даже если освободим Машу и получим полную формулу противоядия, на его массовое производство уйдут недели.

– Есть другой способ, – сказала Волкова тихо. – Дмитрий считает, что можно остановить распространение биочипов, уничтожив центральный сервер «НейроГен». Все биочипы связаны с ним квантовой связью.

– Где находится этот сервер?

– В подвале клиники. Это квантовый компьютер, охлаждаемый до температуры близкой к абсолютному нулю. Если его уничтожить, все биочипы в мире станут инертными.

Соколов изучил план здания.

– Значит, у нас две цели: спасти девочку и уничтожить сервер. Сложно, но выполнимо.

– Есть одна проблема, – добавила Волкова. – Сервер защищен не только физически. Вокруг него создано поле из концентрированных биочипов. Любой человек, приблизившийся к нему, мгновенно попадает под контроль «НейроГен».

Алексей задумался. Потом медленно улыбнулся.

– А что, если послать туда не человека?

– Что ты имеешь в виду? – спросила Елена.

– Наши биоагенты не подвержены влиянию биочипов «НейроГен». Мы можем создать специального агента – «Разрушителя», который проникнет к серверу и уничтожит его изнутри.

– Это возможно? – спросил Соколов.

– Дайте мне шесть часов, – ответил Алексей. – Я создам биоагента, способного разрушить любую электронную систему.

Волкова посмотрела на часы.

– У нас есть время. Самолёт вылетает завтра в восемна-

дцать ноль-ноль.

Когда все ушли, Алексей остался в лаборатории один. Он подошел к биореактору, где в серебристом свечении плавали его творения – живые существа, рожденные из слияния биологии и технологий.

– Прости меня, – прошептал он, – за то, что создаю вас для войны.

Биоагенты пульсировали в ответ, словно понимая его слова. А может быть, действительно понимали – граница между живым и искусственным становилась все тоньше.

Алексей сел за терминал и начал программировать нового агента. «Разрушитель» должен был стать венцом его творчества – существом, способным уничтожить самые совершенные технологии планеты.

За окном занималась заря. Новый день принесет либо спасение, либо окончательную катастрофу. И в руках одного инженера лежала судьба человечества.

Где-то в Швейцарии маленькая девочка спала в больничной палате, не зная, что ее жизнь стала ключом к будущему всего мира. А в подвале под ней гудел квантовый компьютер,

плетущий сети контроля над человеческими душами.

Битва за свободу человечества начнётся через несколько часов. И исход ее будет зависеть от того, сможет ли любовь отца к дочери победить холодную логику машин.

Алексей работал, не замечая времени. В его руках рождалось оружие возмездия – живое, разумное, беспощадное к врагам свободы. Биокод против биокода. Жизнь против псевдожизни. Последняя битва за право называться человеком.

Глава 4. Женевский гамбит

Аэропорт Домодедово встретил делегацию российских медиков серым октябрьским утром. Алексей нервно поправил галстук – роль доктора биотехнологий давалась ему нелегко. В дипломате у его ног находились три герметичных контейнера с биоагентами, замаскированные под образцы для научной презентации.

– Документы в порядке, – тихо сказала полковник Волкова, которая в гражданской одежде выглядела как обычный врач средних лет. – Швейцарские коллеги ждут нас на конференции по регенеративной медицине.

Капитан Соколов, представлявший себя специалистом по медицинской электронике, изучал план аэропорта Женевы на планшете.

– Как только приземлимся, у нас есть два часа до начала операции, – сказал он. – Этого достаточно, чтобы добраться до отеля и подготовить оборудование.

Рейс Москва-Женева прошёл без происшествий. Алексей большую часть времени провёл, изучая последние данные о распространении биочипов. Картина была удручающей – за ночь количество заражённых выросло до двенадцати тысяч человек. Портативные сканеры «СмартСкан» фиксировали аномалии уже в тридцати регионах России.

– Они ускоряют процесс, – сказал он Волковой. – Боятся, что мы найдем противоядие.

– Или готовятся к запуску второй фазы, – ответила она мрачно.

Женевский аэропорт поразил Алексея своей стерильной красотой. Все здесь дышало швейцарской точностью и порядком. Но инженер знал – где-то в этом идеальном городе скрывается источник угрозы всему человечеству.

Отель «Лак Леман» располагался в центре города, в нескольких кварталах от клиники «Альпийское здоровье». Из окна номера Алексея открывался вид на знаменитое озеро, в водах которого отражались заснеженные вершины Альп. Красота пейзажа контрастировала с тяжестью предстоящей миссии.

В восемнадцать ноль-ноль команда собралась в номере Соколова. Капитан разложил на столе детальный план клиники и схемы систем безопасности.

– Последние данные от агентуры, – сказал он. – В клинике усилили охрану. Сорок человек вместо обычных двадцати четырёх. Они ждут нас.

– Откуда они могли узнать? – спросила Волкова.

– Возможно, через биочипы, – предположил Алексей. – Если заражённые люди образуют единую сеть, «НейроГен» может получать информацию от любого из них.

Соколов кивнул.

– Тем более важно действовать быстро и скрытно. Алексей, твои биоагенты готовы?

Инженер открыл дипломат и достал три контейнера размером с термос. Внутри каждого в питательной среде плавали микроскопические существа – плоды его бессонной ночи.

– «Призраки» для проникновения через стены, – сказал он, показывая первый контейнер. – «Хакеры» для отключения электроники. И «Разрушитель» для уничтожения квантового сервера.

– Как они активируются?

– Голосовой командой на русском языке. Каждый тип реагирует на свой кодовый сигнал.

Волкова посмотрела на часы.

– Двадцать один ноль-ноль. Начинаем операцию.

Клиника «Альпийское здоровье» выглядела как дворец из стекла и стали. Пятиэтажное здание возвышалось на берегу озера, его окна отражали огни ночной Женевы. Но Алексей видел больше, чем обычный наблюдатель – его обострённое восприятие инженера улавливало едва заметное свечение в стенах здания.

– Биочипы встроены в саму структуру, – прошептал он в

микрофон. – Здание действительно живое.

Команда расположилась в парке напротив клиники. Соколов изучал здание через прибор ночного видения.

– Охрана патрулирует периметр каждые пятнадцать минут, – сообщил он. – Сейчас у нас есть окно в двенадцать минут.

Алексей достал первый контейнер и открыл его. «Призраки» были невидимы невооружённым глазом, но он чувствовал их присутствие – легкое покалывание в воздухе, словно от статического электричества.

– «Призраки», активация», – произнес он тихо. – Цель: стена первого этажа, восточная сторона.

Воздух перед ним замерцал, и через несколько секунд в стене клиники появилось круглое отверстие диаметром около метра. Края отверстия светились слабым голубым светом – биоагенты продолжали работать, поддерживая проход открытым.

– Невероятно, – прошептал Соколов. – Как они это делают?

– Ферментативное разложение молекулярных связей, – объяснил Алексей. – Они буквально переваривают материал и восстанавливают его за собой.

Команда быстро проникла в здание. Внутри клиника поражала роскошью – мраморные полы, хрустальные люстры, картины известных художников на стенах. Но Алексей чувствовал нечто зловещее в этой красоте.

– Стены пульсируют, – сказал он. – Биочипы реагируют на наше присутствие.

Действительно, едва заметное свечение в стенах усилилось, словно здание проснулось от их вторжения.

– Нужно действовать быстрее, – сказала Волкова. – Четвёртый этаж, палата 47.

Они поднялись по лестнице, избегая лифтов с их электронными системами. На каждом этаже Алексей выпускал небольшую порцию «Хакеров» для отключения камер наблюдения и датчиков движения.

Четвёртый этаж встретил их тишиной. Длинный коридор с белыми стенами тянулся в обе стороны. Палата 47 находилась в дальнем конце.

– Там, – указала Волкова.

Но когда они приблизились к двери, она внезапно открылась. В проеме стоял мужчина в белом халате – высокий, худой, с пронзительными зелеными глазами.

– Добро пожаловать в «Альпийское здоровье», – сказал он на русском языке с лёгким акцентом. – Меня зовут доктор Штайнер. Я руководитель проекта «Биокод».

Соколов мгновенно выхватил пистолет, но Штайнер только улыбнулся.

– Не стоит, капитан. Ваше оружие бесполезно против биочипов.

В тот же момент стены коридора засветились ярким серебристым светом. Из них начали выделяться микроскопические частицы, образуя в воздухе плотное облако.

– Защитные биочипы, – сказал Штайнер. – Они парализуют нервную систему за считанные секунды.

Алексей почувствовал, как его мышцы начинают каметь. Но в последний момент он успел произнести:

– «Охотники», активация! Цель: все биочипы в радиусе десяти метров!

Воздух вокруг них замерцал. «Охотники» вступили в битву с защитными биочипами «НейроГен». Серебристое свечение стен начало тускнеть.

– Невозможно, – прошептал Штайнер. – Откуда у вас антивирусные биосистемы?

– От того, кто знает ваши технологии лучше вас, – ответила Волкова, поднимая пистолет. – Где моя племянница?

Штайнер отступил в палату. За ним команда увидела маленькую девочку на больничной кровати. Маша Волкова спала, подключённая к множеству мониторов и капельниц.

– Она в порядке, – сказал Штайнер. – Пока. Но если вы попытаетесь ее забрать, активируется система самоуничтожения. Биочипы в ее крови взорвутся.

– Вы монстр, – прошептала Волкова.

– Я визионер, – ответил Штайнер. – Человечество стоит на пороге эволюционного скачка. Биочипы сделают людей совершенными – без болезней, без старости, без конфликтов.

– Без свободы, – добавил Алексей.

– Свобода – иллюзия. Люди всегда были рабами своих инстинктов, страхов, предрассудков. Мы предлагаем им освобождение от этого бремени.

В этот момент в палату вошел еще один человек. Алексей узнал его сразу – Дмитрий Волков, его бывший коллега.

– Дима! – воскликнула полковник Волкова.

– Ира, – Дмитрий выглядел измученным. – Я так рад, что ты пришла.

– Трогательная встреча, – сказал Штайнер. – Но, боюсь, она будет недолгой. Доктор Волков, активируйте протокол «Симбиоз».

– Нет, – ответил Дмитрий твёрдо. – Я больше не буду участвовать в ваших экспериментах.

– Тогда ваша дочь умрёт.

Дмитрий посмотрел на спящую Машу, потом на сестру, потом на Алексея.

– Алёша, – сказал он тихо, – у тебя есть «Разрушитель»?

– Да.

– Тогда слушай внимательно. Квантовый сервер находится на минус втором этаже. Но добраться до него можно только через вентиляционную систему. И у тебя есть не больше пяти минут – после этого здание заблокируется полностью.

Штайнер нахмурился.

– О чем вы говорите?

Дмитрий достал из кармана небольшое устройство и нажал кнопку. По всему зданию завывла сирена.

– Я активировал аварийный протокол, – сказал он. – Через пять минут все системы перейдут в режим изоляции.

– Вы обрекли всех на смерть! – закричал Штайнер.

– Нет, – ответил Дмитрий спокойно. – Я дал человечеству шанс.

Алексей не стал терять времени на разговоры. Он достал

последний контейнер и открыл его.

– «Разрушитель», активация! – произнес он. – Цель: квантовый сервер, минус второй этаж!

Биоагент был невидим, но Алексей почувствовал, как он устремился вниз через вентиляционные шахты. Теперь осталось только ждать.

– Четыре минуты, – сказал Дмитрий. – Нужно эвакуировать Машу.

Он подошел к кровати дочери и начал отключать мониторы. Девочка медленно открыла глаза.

– Папа? – прошептала она слабо.

– Да, малыш. Мы идём домой.

Штайнер попытался остановить их, но Соколов был быстрее. Удар приклада пистолета отправил доктора в нокаут.

– Три минуты, – сказала Волкова. – Нужно выбираться.

Они поспешили к лестнице, но путь им преградила группа охранников. Началась перестрелка. Соколов прикрывал

отступление, а Алексей нес на руках Машу.

– Две минуты!

Первый этаж. Выход был уже близко, когда здание содрогнулось от взрыва. Где-то в глубине, на минус втором этаже, «Разрушитель» выполнил свою миссию.

– Сервер уничтожен! – закричал Алексей.

В тот же момент серебристое свечение в стенах погасло. Биочипы «НейроГен» потеряли связь с центральным управлением.

– Одна минута!

Они выбежали из здания как раз в тот момент, когда сработала система изоляции. Все входы и выходы заблокировались, окна покрылись металлическими щитами.

На берегу озера команда остановилась перевести дух. Маша Волкова лежала на руках у отца, слабая, но живая.

– Мы сделали это, – сказала полковник Волкова. – Сервер уничтожен.

Алексей достал планшет и проверил данные с российских «СмартСкан» сканеров. По всей стране биочипы в крови пациентов становились инертными.

– Угроза ликвидирована, – сообщил он. – Биочипы больше не активны.

Дмитрий обнял дочь крепче.

– Прости меня, Машенька, – прошептал он. – Прости, что позволил им использовать тебя.

– Папа, – девочка улыбнулась слабо, – а теперь мы поедем домой?

– Да, малыш. Теперь мы поедем домой.

За их спинами клиника «Альпийское здоровье» стояла темная и безжизненная. Проект «Биокод» был остановлен, но Алексей понимал – это только начало. Технологии, которые они создали, слишком мощные, чтобы просто исчезнуть.

Где-то в мире найдутся другие, кто захочет использовать живые системы для контроля над людьми. И тогда снова понадобятся инженеры, готовые защитить свободу человечества.

Но это будет завтра. А сегодня маленькая девочка возвращается домой, и это самая важная победа.

Глава 5. Возвращение домой

Самолёт Женева-Москва взлетел на рассвете. За иллюминаторами медленно исчезали заснеженные вершины Альп, уступая место облакам и бескрайнему небу. Алексей сидел рядом с Машей Волковой, которая впервые за много месяцев спала спокойным сном без кошмаров и медицинских процедур.

Дмитрий не отходил от дочери ни на шаг. Его лицо, измученное месяцами принуждения и страха, постепенно обрело покой. Полковник Волкова тихо разговаривала по спутниковому телефону с Москвой, докладывая о результатах операции.

– Биочипы по всей России деактивированы, – сообщила она, закончив разговор. – Пациенты приходят в себя. Никаких долгосрочных последствий медики не фиксируют.

– А что с «НейроГен»? – спросил Алексей.

– Их штаб-квартира в Цюрихе опечатана швейцарской полицией. Активы заморожены. Но главные фигуры успели

скрыться.

Алексей кивнул. Он не питал иллюзий – такие корпорации, как «НейроГен», не исчезают после одного поражения. Они уходят в тень, меняют названия, ищут новые пути к своим целям.

– Дядя Алёша, – тихо позвала Маша, открыв глаза. – А правда, что вы создали живых роботов?

Инженер улыбнулся. Девочка всегда была любознательной, и даже пережитые испытания не смогли погасить ее интерес к науке.

– Не роботов, Машенька. Биологические системы. Они живые, но созданы для помощи людям.

– Как домашние животные?

– Скорее как... помощники. Очень маленькие и очень умные.

Маша задумалась.

– А они могут болеть?

Вопрос застал Алексея врасплох. Он никогда не думал о биоагентах в таких категориях. Могут ли искусственно созданные живые существа страдать? Имеют ли они право на защиту от боли?

– Не знаю, – ответил он честно. – Но я постараюсь, чтобы они не страдали.

Дмитрий посмотрел на него с пониманием.

– Этические вопросы биоинженерии, – сказал он тихо. – Мы создаем жизнь, но не знаем, какую ответственность это на нас накладывает.

Остаток полёта прошёл в размышлениях. Алексей смотрел в иллюминатор на проплывающие внизу облака и думал о будущем. Технологии «живой фабрики» открывали невероятные возможности – от лечения болезней до создания новых материалов. Но они же несли в себе потенциал для злоупотреблений.

Домодедово встретило их серым московским утром. На выходе из самолёта их ждал Сергей Викторович Белов с небольшой группой сотрудников службы безопасности.

– Добро пожаловать домой, – сказал он, обнимая Алексея.

– Вы совершили невозможное.

– Мы просто сделали то, что должны были, – ответил инженер.

Машу увезли в детскую больницу для полного обследования. Врачи хотели убедиться, что биочипы не нанесли ей долгосрочного вреда. Дмитрий поехал с ней, наконец-то получив возможность быть просто отцом, а не заложником чужих амбиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.